

Роберт Холл и Олег Майзенберг поддержали «Декабрьские вечера»

Коммерсантъ. - 2005. - 28 дек. - с. 14.

фестиваль классика

На «Декабрьских вечерах» в ГМИИ имени Пушкина выступили бас-баритон Роберт Холл и пианист Олег Майзенберг. Два ветерана фестиваля лишили ВАРЮ ТУРОВУ опасений относительно того, что «Декабрьские вечера» уже не те.

За 25 лет существования «Вечеров» на фестивале сложился четкий костяк постоянных участников, который каждый год разбавляют кем-нибудь новеньким, как, например Эльдаром Небольсиным в этом году. И Роберт Холл, и Олег Майзенберг и по отдельности, и вместе являются как раз такими старожилками «Вечеров». С одной стороны, как не радоваться приезду столь высокочтимых гостей, с другой же — кажется, все, что только возможно, господа Холл и Майзенберг на «Вечерах» уже спели и сыграли. Чем еще вроде бы они могут удивить?

Отчасти с повторяющимся набором участников связано давно существующее мнение, состоящее в том, что после смерти инициатора и лидера «Декабрьских вечеров» Святослава Рихтера фестиваль деградирует с каждым годом, теряя и в концепции, и в стилевой выдержанности, и в программе. Возможно, такая точка зрения имеет некоторую обоснованность, но такие концерты, какой дали в этот раз Роберт Холл и Олег Майзенберг, повышают акции «Вечеров» в разы.

Вечер разделили на две части — по вокальному циклу Брамса («Песни на стихи Клауса Грота») и Шумана («Любовь поэта») на отделение. Не будет преувеличением сказать, что в этот раз двум заезжим звездам удалось по-настоящему потрясти зал. Казалось, все лучшие их качества как-то особенно активизировались, растолкали локтями все потенциальные и реальные (вроде непрекращающихся звуков мобильных телефонов в зале) недостатки и проблемы, выпрямили спины и будто силком заставили обратить на себя внимание.

Признаюсь, трудно представить себе, в чем можно было бы упрекнуть музыкантов этим вечером, но сидящая рядом преподавательница вокала одного из московских учебных заведений разнесла Роберта Холла в пух и прах. Она возмущенно мотала головой и шептала соседке что-то насчет «неспетых нот» и «инвалидного звукоизвлечения». Видимо, у этой дамы были на то свои основания, но удивляет другое — как ей удалось не заметить глубины, тонкости и, мягко говоря, незаурядности происходящего. Шумановский цикл захватывал с первых нот фортепианного вступления к первой пьесе — «В сиянье теплых майских дней». Виртуоз оттенков и нюансов, Олег Майзенберг заставлял рояль то петь в унисон с Робертом Холлом, то злорадно хохотать, а то и просто-таки выть от тоски. Сдержанный внешне, этакий безупречный джентльмен с тонкими бледными руками, Олег Майзенберг тем не менее не уступал дивному актеру и обаяшке Роберту Холлу ни в убедительности, ни в чувстве. А уж в этом Роберт Холл вообще мало с кем может быть сравним. Как он одним только тембром создал почти ощутимую дымку тумана в зале в пьесе «Во сне я горько плакал». Самую известную и самую сентиментальную пьесу цикла, «Я не сержусь», пьесу, входящую в стандартную программу обучения в музучилищах, пьесу, казалось бы, давно ставшую пародией на саму себя, он не просто хорошо спел. Тряся кулаками, крича и чуть ли не рыдая, Роберт Холл добился от публики отнюдь не раздражения, недоверия или, к примеру, улыбки, а слез.

Конечно, дело не в том, тряс Роберт Холл кулаком или нет. А в том, что поет он совершенно. Секрет не в том, что Олег Майзенберг давно заслужил любовь публики, а в том, что рояль звучит так пронзительно только у него одного. Объяснение не в каких-нибудь там высоких материях и пафосных идеях, а всего лишь в исключительном профессионализме и редком таланте обоих музыкантов. При наличии этих качеств все остальное — легко. В том числе и музицировать так, чтобы это невозможно было забыть.